

Му Хуайси наклонился, поднял разноцветное яйцо и, взвесив его на ладони, повернулся к поросёнку:

— Яйца семицветной огненной индейки невероятно питательны, а их скорлупа — превосходный материал дляковки артефактов. Вот только несутся они неохотно. У этих тварей считается, что откладывать яйца — удел слабаков. Когда я её ловил, она всем видом показывала, что готова принять смерть, — негромко рассмеялся он. — Кто же знал, что в ней проснётся такая прыть? Всё-таки мой Малыш творит чудеса.

Семицветная огненная индейка лишь обречённо молчала. Какой, к чёрту, покой, когда в глазах какого-то поросёнка ты видишь собственную тушку, распластанную на тончайшие ломтики для лапши?!

Цзян Нань в вопросах еды никогда не допускал халатности. Посмотрев на Му Хуайси, он деловито поинтересовался лучшим рецептом:

— Так что с ней делать? Оставить нестись или сразу отправить в котёл?

Сам он, конечно, предпочёл бы съесть и мясо, и яйцо за один присест. С другой стороны, ценность скорлупы как магического сырья и питательность самих яиц намекали, что птицу выгоднее поберечь.

— Давай сварим сейчас, — отозвался Му Хуайси, безошибочно угадав сомнения спутника. — А в следующий раз я поймаю ещё одну.

Индейка забилась в путях с удвоенной силой.

Цзян Нань на секунду задумался.

— Пожалуй, не стоит.

В глазах индейки вспыхнула безумная надежда. Но поросёнок тут же безжалостно добавил:

— Костлявая она какая-то. Пусть поживёт ещё несколько дней, нагуляет жирок. Так будет гораздо вкуснее.

«О боги, — в панике подумала птица, — почему я вообще понимаю, что хрюкает этот поросёнок?!»

Возражать Му Хуайси, разумеется, не стал.

Так великая семицветная огненная индейка, в чьих жилах текла пусть малая, но всё же истинная кровь священного Чжуцюзэ, удостоилась участи банальной домашней птицы. Ей связали лапы верёвкой и бесцеремонно привязали к ножке стола на кухне.

Там её уже ждал сосед — упитанный деревенский петух, презент от четы Ли Хунляна, живших этажом выше.

Супруги как раз ходили на очную ставку к невестке, прихватив с собой осколки проклятой статуэтки младенца. Та, разумеется, ушла в глухую несознанку, уверяя, что слыхом не слыхивала ни о каком колдовстве. Столкнувшись с подобным нахальством, Ли Хунлян с женой пришли в ярость. Масла в огонь подлили и родители мужа, вставшие на сторону старшего сына и его благоверной.

Несмотря на то, что семейная война складывалась не в их пользу, супруги не забыли отблагодарить своих спасителей. Самим готовить званый ужин им помешала беременность Чэнь Юйвэй — на поздних сроках ей было тяжело подолгу стоять у плиты, поэтому они просто принесли гору спелых фруктов, сладостей и двух домашних кур — несушку и крупного пестрого петуха.

Курица пала смертью храбрых ещё в обед — её заботливо приготовил Ян Цзяхэ. Оставшийся же петух мирно обосновался в углу кухни. Он лениво клевал рассыпанное пшено и, кажется, совершенно не подозревал о своей участи стать следующим блюдом, наслаждаясь безмятежной жизнью.

Идиллию безжалостно нарушило появление диковинной гостыи. Потревоженный хозяин угла взъерошил перья и воинственно уставился на незваную соседку. Но, приглядевшись к переливающемуся всеми цветами радуги оперению индейки, сменил гнев на милость и дружелюбно вытянул шею. Таких роскошных «курочек» он в своей деревенской жизни ещё не встречал.

Индейку так и подбрасывало от злости. Она — гордое мифическое создание! — мало того что заперта в четырёх стенах, так ещё и вынуждена делить жилплощадь с этим невзрачным, общипанным недоразумением! И эта серость ещё смеет строить ей глазки?!

Тем временем из гостиной донеслись тихие голоса:

— Господин, может, рассадим их? Они там сейчас друг друга насмерть задерут.

— Ничего, пусть дерутся. Движение укрепляет мышцы. Мясо будет сочнее.

Индейка, уже успевшая ободрать бедному ухажёру половину правого крыла, замерла. Она

торопливо выплюнула застрявшие в клюве перья, послушно отступила назад и тихонько сжалась в комочек в своём углу.

Ощипанный петух прижал пострадавшее крыло к боку и скорбно спрятал голову. И кто только выдумал, что красивые самочки — кроткие создания? Сплошной обман!

Тем временем Му Хуайси уже соорудил паровую баню и приготовил добытое яйцо. Остудив его, он взял ложечку и принялся терпеливо кормить поросёнка, сам даже не прикоснувшись к угощению.

Цзян Нань невольно вспомнил ту миску рисовой лапши в Подземном царстве — тогда Му Хуайси тоже не съел ни кусочка изысканного мяса снежной ящерицы преисподней.

— Всё, я больше не могу, — захрюкал он, отодвигая ложку пяточком.

От варёного яйца исходил тонкий сливочный аромат, напоминающий нежнейший заварной крем, но без приторной сладости. Оно буквально таяло во рту, оставляя богатое послевкусие.

Му Хуайси недоверчиво посмотрел на оставшуюся половину белка и нахмурился. Он прекрасно знал аппетиты своего спутника — Цзян Нань при желании умял бы десяток таких яиц и даже не заметил бы.

— Я правда сыт, — поспешил заверить его Цзян Нань, не давая вставить и слова. — Если съем ещё хоть крошку, просто лопну. Доешь ты.

Му Хуайси пристально взглянул на него, и в глубине его тёмных глаз полыхнули тёплые весёлые искорки. Поросёнок под этим взглядом смущённо отвёл пяточок в сторону.

— Мне не требуется пища для поддержания сил, — тихо произнёс Му Хуайси, но после короткой паузы добавил: — Однако мне дорого, что мой Малыш решил разделить со мной трапезу.

Он взял ту же ложку и принялся неторопливо доевать остатки яйца. Цзян Нань удивлённо приоткрыл рот, но так и не решился предложить сменить приборы, смущённо промолчав.

Когда с десертом было покончено, они устроились на диване. Му Хуайси достал из складок одеяния изящную нефритовую шкатулку. Цзян Нань сразу всё понял:

— Это от начальника Хуана?

Му Хуайси молча кивнул и приоткрыл крышку. Внутри, на шёлковой подложке, покоились три идеально круглые золотистые пилюли. По их поверхности медленно скользили пять тонких светящихся узоров. Пилюли Сосредоточения Духа пятого ранга.

— Работа топорная, — пренебрежительно заметил дракон, — но для твоего нынешнего ослабленного тела это даже к лучшему. Слишком чистая энергия могла бы тебе навредить, а пятый ранг ты усвоишь без труда.

Цзян Нань только мысленно развёл руками. В современном мире мастеров, способных выковать пилюлю пятого ранга, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Услышь начальник Хуан эти слова, он бы от обиды точно пошёл топиться.

— Проглоти пока одну. Когда полностью усвоишь её силу, возмёмся за следующую, — с улыбкой напутствовал его Му Хуайси, наблюдая за горящим взглядом поросёнка. — Как только покончишь со всеми тремя, сможешь вернуть себе человеческий облик.

Цзян Нань мысленно вздохнул. Жаль, что нельзя получить всё и сразу. Его нынешнее тело оставалось сосудом обычного, пусть и благословенного животного. Решись он сожрать всю горсть разом — и его бы попросту разорвало от избытка бушующей духовной энергии.

Проглотив золотую горошину, Цзян Нань сыто икнул. Вот теперь его действительно распирало изнутри.

— Ох... — Поросёнок неуклюже подпрыгнул на месте, смешно перебирая копытцами. — Тяжеловато пошло. Надо размяться, иначе лопну.

Оставив караулить квартиру своих призрачных слуг, Му Хуайси подхватил поросёнка подмышку и спустился во двор. Сначала они сделали пару кругов по тихим дорожкам жилого комплекса, а затем вышли за ворота и неспешно побрели вдоль оживлённой улицы.

Возле палатки с традиционными блинчиками-цзяньбинами всё так же теснилась очередь. Заметив, как пяточек поросёнка то и дело поворачивается в сторону ароматного дыма, Му Хуайси мягко предложил:

— Купить тебе один?

— Нет-нет-нет! — Цзян Нань отчаянно замотал головой.

На лице Му Хуайси промелькнула едва заметная тень разочарования — похоже, его лишили излюбленного развлечения.

Цзян Нань мысленно изобразил унылую рожицу.

Возле тротуара со свистом затормозило жёлтое такси. Из машины вылез измученный, бледный мужчина средних лет. В нём Цзян Нань сразу узнал того самого таксиста, которому Му Хуайси пару дней назад щедро отсыпал вместо платы за проезд золотой защитный талисман.

С тех пор как на голову престарелого отца этого бедолаги среди бела дня прилетел кухонный тесак, не оставив на старике ни царапины, таксист окончательно уверовал в чудодейственную силу бумажного оберега. Да и его таинственный пассажир теперь виделся ему не иначе как великим мастером — не зря от него за версту веяло благородством и скрытым могуществом.

Сам спасённый старик, едва узнав об источнике своего чудесного избавления, извёл сына расспросами, в каком именно храме была выпрошена святыня. Он рвался немедленно поехать туда, принести подношения богам и заодно раздобыть ещё парочку таких амулетов для всей родни. Таксисту оставалось лишь уныло вздыхать — если бы всё было так просто!

До этой истории мужчина считал любую веру «пережитком прошлого» и глупым суеверием. Однако теперь, глядя на отца, он каждое утро перед сменой покорно отвешивал поклоны домашней статуэтке Гуаньинь.

Идиллия закончилась вчерашней ночью. Около десяти вечера, когда таксист уже собирался сворачивать смещение и ехать домой, у обочины замаячила женская фигура, отчаянно ловившая машину до аэропорта. Путь до терминала и обратно занял бы не меньше трёх часов — домой он вернулся бы только к глубокой ночи, да ещё и порожняком, без единого клиента на обратном пути. Мужчина уже открыл было рот, чтобы выдать дежурный отказ, но женщина, дрожа от волнения, со слезами на глазах взмолилась о помощи и пообещала двойной тариф.

Видя её отчаяние, водитель сжалился. Дорога прошла без происшествий. На месте пассажирка честно отсчитала двойную сумму и накинула сверху ещё сотню за беспокойство.

Дома все уже давно спали. Стараясь не шуметь, таксист прокрался в ванную. Но когда он, умывшись, поднял глаза на запотевшее зеркало, у него едва не остановилось сердце.

Из зазеркалья на него смотрело чужое лицо. Приглядевшись сквозь пелену ужаса, он узнал в этих чертах давешнюю попутчицу, которую только что отвёз в аэропорт.

Отражение жутко ослабилось. Онемев от страха, мужчина кубарем вылетел из ванной. В квартире мгновенно похолодало так, что дыхание превращалось в пар, а по спине поползло липкое ощущение чужого невидимого присутствия, следовавшего за ним по пятам. Опасаясь за жизнь спавшей в спальне жены, несчастный не решился войти в комнату. Он забился в угол дивана и, содрогаясь от каждого шороха, в холодном поту провёл худшую ночь в своей жизни.

Лишь на рассвете, когда сумерки начали рассеиваться, ледяные тиски за его спиной наконец ослабли. Вышедшая готовить завтрак жена очень удивилась, обнаружив мужа на диване:

— Ты чего здесь разлёгся? Постель неудобная?

Таксист не посмел заикнуться о чертовщине. Он молча схватил ключи от машины и выскочил за дверь. Ему во что бы то ни стало нужно было отыскать таинственного спасителя!

С раннего утра он караулил у ворот жилого комплекса в надежде перехватить мастера. И удача улыбнулась ему: спустя несколько часов томительного ожидания знакомая величественная фигура наконец показалась на аллее.

— Мастер! Пощадите, спасите! — взмолился таксист, бросаясь навстречу. Он двигался столь стремительно и слепо, что чуть не раздавил крутившегося под ногами поросёнка — благо Цзян Нань вовремя отскочил в сторону.

Цзян Нань внимательно всмотрелся в лицо бедолаги. Между бровей мужчины клубилась плотная, тяжёлая мгла — верный признак скорой кончины. От его тела веяло могильным холодом, а защитные огни души на плечах полностью угасли. Ещё пару дней назад его судьба сулила лишь мелкие неурядицы, с которыми золотой талисман Му Хуайси должен был справиться без труда. Теперь же его физиогномическая карта исказилась до неузнаваемости. Нить судьбы оказалась оборвана — бедняге оставалось жить считанные дни.

Тварь, присосавшаяся к нему, явно была из породы свирепых и беспощадных.

Му Хуайси первым делом проверил, цел ли его Малыш, и лишь убедившись, что поросёнок не пострадал, повернулся к таксисту. Голос его прозвучал сухо и бесстрастно:

— Ты взял то, что тебе не принадлежит.

Водитель едва не расплакался от облегчения. Он ведь ещё и рта не успел открыть, а мастер уже зрел в самую суть! Спасение было близко!

Он судорожно полез в карман джинсов и извлёк оттуда пять измятых стоюаневых купюр. Лицо его при этом скорчилось в плаксивой гримасе:

— Это... это она мне дала. Та... вчерашняя, — выговорить слово «призрак» среди бела дня у него язык не повернулся.

Купюры буквально сочились липкой призрачной злобой — любого, кто прикоснулся бы к ним, ждала неминуемая череда несчастий.

Му Хуайси оставался абсолютно невозмутим, а вот у Цзян Наня при виде денег мгновенно загорелись глазки.

Пятьсот юаней! Да ещё и прямо сейчас!

Карманы у них пустовали. До сих пор Му Хуайси расплачивался за любую мелочь бесценными артефактами и редкими материалами. Торговцы наверняка принимали благородного господина за сказочно богатого простофилю. Сам дракон к своим богатствам относился прохладно, а вот у Цзян Наня при виде такого расточительства каждый раз кровью обливалось сердце.

Стоило вспомнить безумную щедрость Му Хуайси, как у поросёнка начинала раскалываться голова. В древних трактатах чёрным по белому писали, что драконы по своей природе невероятно скупы и трясутся над каждым медяком. Но этот конкретный экземпляр ломал все стереотипы, швыряя сокровища направо и налево.

«Скверная привычка, — деловито рассудил Цзян Нань. — Надо срочно брать финансы под контроль».

<http://bllate.org/book/19051/1986897>